

**РУССКИЙ БАРИН В НАРОДНОЙ СКАЗКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ
В КРЕСТЬЯНСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ СУТИ ПОМЕЩИЧЬЕЙ ВЛАСТИ****RUSSIAN BARIN IN FOLK TALES AS A REFLECTION OF THE ESSENCE
OF LANDLORD POWER IN PEASANTS' PERCEPTION****В.А. Шаповалов, И.В. Истомина****V.A. Shapovalov, I.V. Istomina**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о роли и месте народной сказки в качестве источника по изучению природы социопсихологического антагонизма в русской крепостной деревне. Анализ сказок показывает, что они, в контексте поднимаемой проблемы, стратифицированы содержательно относительно категорий помещиков. Четко просматриваются сказки, где одним из главных действующих лиц являются богатые или бедные поместные дворяне. Отношение к ним в сказках различное. Мировоззрение крестьян относительно сути барской власти в сказках имеет сложную структуру: начиная с неприкрытой ненависти, заканчивая полным согласием и одобрением патронажа помещика над своими крестьянами. Мало имеется источников, включая фольклорные, где бы настолько детально прослеживались социопсихологические взаимосвязи помещиков и крестьян. Все это позволяет отнести народные сказки о барине и мужике к важнейшим источникам по социальной природе антагонизма в русской деревне.

Abstract

The article deals with the role and meaning of folk tales as a source for the study of the nature of socio-psychological antagonism in the Russian village. The analysis of the folk tales demonstrates that in terms of their contents they can be classified on the basis of the landlordly strata described. One can clearly reveal the tales with rich or poor landlords as their main characters; peasants' attitude towards them differs. Peasants' perception of the essence of landlord power is complex: from open hatred to full consent to and approval of a landlord patronage over his peasants. There are few sources that allow to examine in detail the socio-psychological interconnections between landlords and peasants. The abovementioned makes folk tales about barin and muzhik an important source on the social antagonism in the Russian village.

Ключевые слова: народная сказка, барин и мужик, фольклор, социальная психология.

Keywords: folk tale, barin and muzhik, folklore, social psychology.

Образ помещика в контексте фольклорных жанров наиболее часто встречается в сказках. Сказки как жанровый вид фольклорной прозы выполняют эстетическую функцию (сказки рассказываются для развлечения и поучения). Сказки, в свою очередь, обычно делят на три основные группы – сказки о животных, волшебные и бытовые. Их объединяет один признак: речь идет о выдуманном и невозможном [Костюхин, 2004, с. 92–93]. В их сказках; в них воспроизводятся картины обыденной жизни – без чудес, характерных для волшебных сказок, и без комического маскарада, свойственного сказкам о животных. Среди специалистов по фольклору нет единого мнения о тождестве или раздельности бытовой сказки и новеллистической. Например, В.С. Бахтин считает их синонимами [1987]. Ю.И. Юдин

утверждает: «Не существует проблемы разграничения сказок новеллистических и бытовых со сказками кумулятивными, о животных, волшебными. Проблема возникает, когда мы пытаемся отделить бытовые сказки от новеллистических... Бытовые и новеллистические сказки иногда не различаются, иногда выделяются новеллистические сказки, а бытовые относятся к анекдотам или анекдотическим сказкам. Между тем, с точки зрения генезиса и композиции, новеллистические и бытовые сказки представляют собой реально существующие и различные сказочные виды... С точки зрения композиции волшебной сказки новеллистические сюжеты представляют собой разработку до самостоятельного сюжета отдельных волшебных мотивов. Это как бы осколки волшебной сказки, обработанные в ходе фольклорного бытования и вставленные в особую сюжетную оправу. Таковы, например, новеллистические сказки о разбойниках...» [2006, с. 19–20].

В.Я. Пропп, с определенными оговорками, не видит существенной разницы между этими разрядами сказок. Он отмечает: «Перехожу к ... большому ряду сказок, к сказкам новеллистическим, реалистическим или бытовым. Характер их совершенно иной, чем характер сказки волшебной. Почему у них три названия и какое из них лучше? Терминология в любой науке имеет очень большое значение. Она должна быть по возможности точной. Но тут мы наталкиваемся на большое затруднение. Все три названия возможны, но ни одно не обладает точностью научного термина и каждое может быть применено лишь условно и с оговорками. Реалистическими сказками могут быть названы потому, что действующие лица в них – не потусторонние фантастические существа, а реальные люди. Но вместе с тем, как мы еще увидим, эти сказки далеки от того, что мы называем реализмом. Они могут быть названы новеллистическими, так как представляют собой критические занимательные и интересные рассказы. Но все же не новеллы, а настоящие сказки. Наконец, их можно назвать бытовыми, так как крестьянский дореформенный быт находит в них сравнительно широкое отображение, хотя описание быта никогда не является их целью» [2000, с. 283]. В тоже время, В.Я. Пропп раздел монографии «Русская сказка», где он дает данные пояснения, озаглавил «Новеллистические сказки» [2000, с. 283].

На наш взгляд, нет особых сюжетных оснований для выделения в отдельные разряды бытовую и новеллистические сказки. Выделение отдельного (самостоятельного) бытового сюжета в волшебных сказках указывает на переходный характер в данных сказках. Недаром вышеуказанный авторитетный специалист особо подчеркивает: «Состав новеллистической бытовой сказки чрезвычайно пестр и разнообразен и допускает различные способы деления и классификации. Изучение по сюжетам – только один из способов решения этого вопроса. Но нельзя также оставить в стороне, игнорировать и вопрос о композиции».

Изучая сказки по их композиции, мы обнаруживаем, что в числе новеллистических сказок есть такие, которые весьма близки к волшебным. Они составляют как бы переходную, или смежную, группу. Граница между волшебными и новеллистическими сказками здесь чисто условная, она должна рассматриваться не как формальная граница, а как историческая, как результат длительного процесса перерождения одного вида в другой... Коротче говоря, в числе бытовых сказок есть такие, которые построены по той же композиционной схеме, что и волшебная сказка, с тем лишь отличием, что в них нет ничего сверхъестественного, волшебного» [Пропп, 2000, с. 294]. Обращает на себя внимание употребление В.Я. Проппом термина «новеллистическая бытовая сказка», без разделения его на две отдельные части. Они для него тождественны. В настоящей работе автор будет придерживаться термина «бытовая сказка», и который отражает суть сказки, основанной на будничных реалиях русского народа, в первую очередь, крестьянства.

В рассматриваемом контексте примечательным является то, что на долю бытовой сказки приходится около 60% всех сюжетов, тогда как на долю волшебной – 30 %, а на долю сказок о животных и близких к ней – 10% всех известных сказочных сюжетов [Бахтин, 1987, с. 5]. Бытовая сказка, отражающая перипетии реальной жизни, пользуется наибольшей любовью.

Мир русской деревни как в период крепостничества, так и после сословной эман-

сипации 1861 г. фактически замыкался в социальных рамках «помещик-мужик». И это, естественно, должно было проявиться количественно в фольклорных произведениях. Тем не менее сказок о барине и мужике на общем фоне сказочных сюжетов весьма немного. Автору этих строк известно (с вариациями) чуть более 90. Ю.М. Соколов в предисловии к сборнику русских народных сказок под названием «Барин и мужик» (1931) применительно к вышесказанному отмечает: «Нужно заметить и по поводу сказок о барах, что мы располагаем материалом, значительно меньшим, чем это было в свое время в реальной действительности. Причин этому несколько. Одна из них – притом, думается, главная – классовый состав собирателей сказок в ту эпоху, когда сатирические сказки о барах должны были быть особенно актуальны, т. е. в первой половине и в середине XIX в. Собиратель, дворянин-помещик, как бы либерален он ни был, естественно, не мог сам с нарочитым интересом относиться к собиранию мужицких сказок о барах-помещиках, а с другой стороны, и крестьянин-сказочник не имел, надо полагать, также большого желания рассказывать собирателю-помещику сказки с подчеркнутой классовой противодворянской тенденцией» [1932, с. 9]. Ю.М. Соколов не без основания отмечает, что между интеллигентом – собирателем фольклора – и крестьянином, носителем фольклорной традиции, вряд ли в периоды коротких встреч могли наладиться настолько доверительные отношения, чтобы антипомещичьи настроения были продемонстрированы представителем сословных «низов» со всей откровенностью. В крестьянском сознании любой интеллигент из города ассоциировался с человеком «голубой крови», находящимся у власти или близко стоящим к ней. Реальной критики или сарказма в адрес помещиков в большей части случаев нельзя было услышать. Поэтому, вероятно, определенное число сказок, как и пословиц (поговорок), о барине и помещичьей власти не дошли до нас в записи.

Главным образом в бытовых сказках о барине и мужике выступают хозяин и работник, где, естественно, первый – помещик, второй – крестьянин, как правило, крепостной. Хозяином может быть также поп или купец, работником – слуга или батрак. Речь может идти о бедном и богатом крестьянах, которые находятся между собою во взаимозависимых и враждебных отношениях. Но социальный антагонизм в русской крепостной деревне базировался на широком спектре взаимоотношений барина и его мужика. Это отчетливо просматривается на материалах народных сказок. Вышеуказанные сказочные образы неразрывно связаны с традиционными для бытовой сказки типами находчивого отгадчика, хитроумного вора, насмешливого дурака. В хозяевах легко угадываются те, кто становятся объектом насмешек, обмана и открытого глумления по вине этих хитрецов. Ю.И. Юдин справедливо отмечает: «Универсальный характер художественных типов и фольклорного смеха, свойственный народной бытовой сказке, обнаруживается в той роли, какую играют в её мотивах элементы мифологических представлений. Самой простой формой соединения бытового правдоподобия со сказочным вымыслом... за которым стоят мифологические представления, является непосредственное вхождение в «бытовой» эпизод события, в поэтически переработанной форме воспроизводящего какой-то момент древнейшей обрядовой практики» [1978, с. 16].

То есть отдельные эпизоды в бытовых сказках опосредованы мифологическими представлениями их сочинителей, что придает бытовым сказкам переходный характер к волшебным. Ярким примером влияния мифологических представлений на сюжет бытовой сказки могут служить сказки о подмененной барыне, имеющей международную основу. Барынь с помощью различных превращений меняют местами с женами крестьян, слуг и т. д., пытаясь тем самым «перевоспитать» их. Здесь способность перевоплощения в другой облик (животный или человеческий) – одна из волшебных особенностей бабы яги в волшебной сказке [Юдин, 1978, с. 18].

Следует обратить внимание еще на одну особенность бытовых сказок о помещике и крестьянине, которую отмечает В.Я. Пропп: «Они невероятно искусственны» [1976, с. 47]. Легкость, с которой крестьянин в сказках обводит барина вокруг пальца, нередко, до полного разорения, вызывает удивление. Утверждение о реалистичности сказочных

сюжетов здесь уместно при осознании полного безумия представителей барской породы. Но это далеко от истины. В этих сказках отражается мечта крестьян о социальной справедливости, неотвратимости возмездия за «барские обиды», греховную сущность. Что, собственно, и подтверждает основной признак сказки: «Основной признак сказки был определен еще Белинским. Признак этот состоит в том, что в действительность рассказываемого ни исполнитель, ни слушатель не верят» [1976, с. 47].

В рассматриваемой фольклорной социальной взаимосвязи (помещик-крестьянин) возникают как бы две линии: реалистичная, где – пусть до поры до времени – бары угнетают крестьян, и, собственно, линия сказочная, где в начале каждой истории показывается жесткая помещичья эксплуатация в русской деревне, всевозможные придирки к крестьянам со стороны бар, с акцентуацией на очевидную несправедливость, а в конце зло обязательно побеждено, справедливость торжествует. В сказке, в отличие от литературы, герой всегда побеждает, этим самым подчеркивается надежда на лучшие времена. При этом в этих сказках больше чувства социальной мести, чем комизма, на котором строится сюжет в различных вариациях обмана барина. Для них характерен мрачный юмор. Такие сказки не ведают жалости к помещикам [Аникин, 2004, с. 481]. Например, весьма примечателен последний абзац сказки «Разбойник Тришка Сибиряк»: «Никого Тришка Сибиряк не обижал крепко, разве какого барина, лихого до крестьян, что раз поучит; не послушает, – другой раз поучит; в толк не возьмёт, так такому лихому под коленками жилки подрежет, – «чтоб не очень, говорит, прытко бегал!». Вот только и всего...» [Соколов, 1932, с. 46]. Не менее показательна концовка сказки «Жалостливая барыня», в которой барыня издевалась над крестьянами, но холила и лелеяла своих кошек и собак: «А барыня была такая жалостливая к котам да собакам, что, бывало, с молодич да с девок шкуру сдирала, если они не хорошо доглядывали за животными. Очень она била тех молодич, которые баловали своих детей и украдкой кормили их своими грудями, а не котов или собак, как велела барыня.

Вот такая жалостливая была та барыня! Но говорят, что забежал в тот двор бешеный кот и покусал других котов и собак. Прошел месяц, и взбесились коты и собаки. Вот так напали они на ту барыню, да и загрызли её насмерть» [Соколов, 1932, с. 54–55].

Жестокость, часто чрезмерная, в сказках Позднего средневековья и Раннего нового времени носит универсальный характер. Известный американский исследователь Роберт Дарнтон, анализируя нескончаемую череду насилия в сказках французских крестьян XVIII века, подчеркивает: «И так далее и тому подобное, от изнасилования и содомии до инцеста и людоедства. Французские сказители XVIII века отнюдь не прятали свои идеи под символами, они без обиняков изображали мир, полный ужасной, неприкрытой жестокости» [2002, с. 19]. Автор справедливо указывает на историческую природу данного явления в сказках: «Сказки же – это исторические документы, изменявшиеся на протяжении веков, и в разных культурных традициях их эволюция протекала по-разному. Они отнюдь не отражают неизменные процессы во внутреннем мире человека, более того, подсказывают, что у людей изменился сам склад ума...

Показывая будни как деревенского, так и бродячего существования, сказки способствовали лучшей ориентации крестьян в жизни; в них отражались общественные реалии и содержался намёк на то, что от жестокого миропорядка не следует ожидать ничего, кроме жестокости» [2002, с. 17].

С точки зрения обмана крестьянином барина, после чего последний становится нищим, характерна сказка «Старое седло» [Кретьева, 1977, с. 136]. В сказке барский пастух Егор был остер на язык, за что он и был отдан в солдаты. Служа в армии, он спасает царя от падения с коня. За это царь предлагает ему просить все, что он хочет. Егор попросил подарить ему старое седло, подразумевая барскую усадьбу, под названием «Старое седло». Царь подписывает ему дарственную на старое седло. После чего: «Приходит он в село и говорит барину:

– Ну-ка, барин, уходи отсюда! Царь приказал отдать мне «Старое седло».

Барин закричал на него, Но Егор говорит:

– Вот приказ!

Прочитал барин приказ и нечего ему было делать. Взял он свою барыню под руку и

ушел с села. А Егор стал править своим селом» [Кретьова, 1977, с. 136–137].

Восстановление социальной справедливости в вышеуказанных сказках связано с нанесением жестоких физических увечий барину, страшной смертью помещной дворянки или разорением помещика в ходе ловкого его обмана пастухом. При этом пастух сам становится новым баринком в селе, и в сказке это приветствуется. В крестьянском сознании весьма жестоко трактуются способы восстановления справедливости применительно к барину. Они больше напоминают месть крестьян или кару небесную помещику за те или иные притеснения. В бытовых сказках примечательным является сильный эмоциональный окрас поступков бар и крестьян, социопсихологическая крайность их исполнения. Социальные психологи, с опорой на высказывания русских классиков – писателей, в контексте рассматриваемого отмечают особую эмоциональность русской души, неистребимую жажду правды и справедливости у русского человека [Холондович, 2015, с. 322, 325]. Все это усиливало социальный антагонизм в русской крепостной деревне.

Вплотную к бытовым сказкам примыкают анекдоты, отличие их от сказок условное и большей частью формальное. Отличаются они, в первую очередь, хронологией сюжетов, в сказках сюжеты чередуются, в анекдоте, как правило, – одно событие. В отношении тематики у них полная общность, разве только в анекдоте еще более доминируют реализм и бытовизм и еще больше ощущается социальная заостренность и сатира [Соколов, 2007, с. 389–390]. Среди множества анекдотических сюжетов выделяются сюжеты о «ловком воре», с легкостью обворовавшего барина, барыню; о хитром «шуте» (обыкновенном мужичке), который всех дурачит; об отгадчике [Соколов, 2007, с. 389–390], ставившего сильных мира сего в неловкое положение, признавая крестьянский ум выше собственного.

Содержательный спектр бытовых сказок о барине и мужике традиционно сводится к сюжетам о помещичьей жестокости, жадности, безделье, глупости и т. д. [Чичеров, 1959, с. 303–304]. В этом есть большая доля истины, так как подавляющая часть сказочных сюжетов о барине посвящена именно этим характеристикам последнего. Но существует не-большой круг сказок, где помещик представлен честным судьей в крестьянских делах, господином, держащим свое слово, даже когда это идет ему во вред, вежливым и тактичным в обращении со своими крестьянами. Это являлось отражением устоявшихся доверительных отношений между баринком и его крестьянами, как правило, находившимися на оброке, в небольшом количестве русских имений. Например, в слободе Чернянка Новооскольского уезда Курской губернии, принадлежащей М.П. Щербинину, «крестьянам жилось хорошо», оброк они платили небольшой и в целом, помещик старался особо не обременять «полторы тысячи душ», принадлежащих ему [Решетов, 1885, с. 275]. Щербининские крестьяне, на фоне жизни крестьян в других барских поместьях, это видели и ценили. Для них их барин был «отцом» и «благодетелем».

В исторических документах, отражавших настроение крестьян, фактически не встретишь свидетельств о порядочном, честном, справедливом помещике. В отдельных бытовых сказках данные характеристики являются сутью самой сказки, исповедью для других о добродетелях помещичьей власти. Так, в сказке – анекдоте под № 499, из Полного собрания народных русских сказок А.Н. Афанасьева, бедный крестьянин зажарил единственного гуся, но в доме не оказалось хлеба и соли. Решил он с женой, что лучше отнесут гуся барину и попросят у него хлеба. Барин, в свою очередь, попросил крестьянина разделить гуся между членами его семьи без обиды, что ловко и проделал крестьянин, при этом, тушку гуся оставил себе. Барину понравилась находчивость крестьянина, напоил он его вином, наградил хлебом. Богатый крестьянин узнал про щедроты барина и отнес ему пять жаренных гусей. Но разделить их между членами барской семьи без обид не смог. Пригласили бедного мужика, он опять ловко разделал гусей, оставив себе двух из пяти. Барин «наградил... бедного мужика своею казною, а богатого выгнал» [2014, с. 943]. Барин справедлив, нежаден, ценит мужицкие ум и смекалку, становится на сторону бедного. По сути, это идеал помещичьей власти в представлении крестьян, но этот идеал, как было показано выше, имел под собою определенные социальные основания. Пусть и в

ограниченных размерах и в других проявлениях.

Позитивное отношение к барину у определенной части крестьян, дворовых подтверждают следующие народные пословицы: «На Руси дворянин, кто за многих один» [Мери-Хови, 1882, с. 13], «Из доброго помещика – двух вон, из крестьян – красные дни», «Барская милость – Божья роса», «Барская милость – кисельная сытость», «Вольному просторней, барскому спокойней», «С боярами знаться – ума набираться», «Кабы не барский разум, да не мужицкая простота – все бы пропали» [Мери-Хови, 1882, с. 13; Иллюстров, 1904, с. 91]. То есть сказки не единственный вид фольклора, где институт помещичьей власти приветствуется и поддерживается. Но, естественно, в узком кругу фольклорных произведений.

В бытовых сказках отражена и жизнедеятельность мелкопоместного дворянства, низшие подгруппы (до 10 дес. земли) вызывали у крестьян одновременно жалость, насмешки и презрение. То есть содержание бытовых сказок про барина стратифицировано относительно отдельных категорий помещиков. В сказке «Бедный барин и мужик» крестьянин не дал своему помещику мяса от зарезанной и единственной овцы. Барин нашел себе утешение в мысли, что он хотя бы и капусту, но будет вилкой есть по барски, а мужик «мясо как собака, пусть трескается!» [Соколов, 1932, с. 108]. В сказке отчетливо показана ограниченность барской власти в усадьбе бедного мелкого помещика, где он для своих малочисленных крестьян не являлся непререкаемым авторитетом. Насмешливое отношение к мелкопоместным дворянам нашло отражение и, например, в сказках «Барин – бедняк», «В гостях и дома», «Один слуга у двух господ» [Соколов, 1932, с. 109–111].

Таким образом, бытовая сказка о барине и крестьянине в контексте социопсихологического антагонизма в русской деревне является ценным источником. Содержание данных сказок позволяет взглянуть на природу социальных взаимоотношений помещиков и крестьян с различных мировоззренческих ракурсов. Есть наибольшее количество бытовых сказок, где барин выступает честным судьей в крестьянских делах, держит свое слово и становится на сторону бедных крестьян. По сути, это идеал барской власти в сознании крестьян. Подавляющая же часть бытовых сказок показывает помещика с негативной стороны, наделяя его чертами жадного, глупого и жестокого владельца поместья. Это и являлось отражением основы социального антагонизма в русской деревне. Сказки про мелкопоместных дворян подчеркивали сложное восприятие крестьянами бедных помещиков, которые по образу жизни ничем не отличались от крестьян.

Список литературы

References

1. Аникин В.П. 2004. Русское народное творчество. М., Высшая школа, 735.
Anikin V.P. 2004. Russkoe narodnoe tvorchestvo. M., Vysshaya shkola, 735.
2. Афанасьев А.Н. 2014. Русские народные сказки. Полное издание в одном томе. М., Альфа-книга, 1088.
Afanasev A.N. 2014. Russkie narodnye skazki. Polnoe izdanie v odnom tome. M., Al'fa-kniga, 1088.
3. Бахтин В.С. 1987. Приглашение к сказке. Русская бытовая сказка / сост. В.С. Бахтин. Л., Лениздат, 5–12.
Bakhtin V.S. 1987. Priglasenie k skazke. Russkaya bytovaya skazka / sost. V.S. Bakh-tin. L., Len-izdat, 5–12.
4. Дартнтон Роберт. 2002. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., Новое литературное обозрение, 384.
Dartnton Robert. 2002. Velikoe koshach'e poboishche i drugie epizody iz istorii frantsuzskoy kul'tury. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 384.
5. Иллюстров И.И. 1904. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, Тип. С.В. Кульженко, 482.
Illyustrov I.I. 1904. Sbornik rossiyskikh poslovits i pogovorok. Kiev, Tip. S.V. Kul'zhenko, 482.
6. Костюхин Е.А. 2004. Лекции по русскому фольклору. М., Дрофа, 336.
Kostyukhin E.A. 2004. Lektsii po russkomu fol'kloru. M., Drofa, 336.
7. Народные сказки Воронежской области. Современные записи / под. ред. А.И. Кретьова.

1977. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 176.
Narodnye skazki Voronezhskoy oblasti. Sovremennye zapisi / pod. red. A.I. Kre-tova. 1977. Voro-nezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 176.
8. Пропп В.Я. 2000. Русская сказка. (Собрание трудов В.Я. Проппа). М., Лабиринт, 415.
Propp V.Ya. 2000. Russkaya skazka. (Sobranie trudov V.Ya. Proppa). M., Labirint, 415.
9. Пропп В.Я. 1978. Фольклор и действительность. М., Наука, 327.
Propp V.Ya. 1978. Fol'klor i deystvitel'nost'. M., Nauka, 327.
10. Решетов Н. 1885. Эпизоды при введении положения 19-го февраля 1861 года. Русский ар-хив. 10: 273–282.
Reshetov N. 1885. Epizody pri vvedenii polozheniya 19-go fevralya 1861 goda. Rus-skiy arkhiv. 10: 273–282.
11. Русские народные сказки. Барин и мужик / ред. Ю.М. Соколов. 1932. М., -Л., Academia, 189.
Russkie narodnye skazki. Barin i muzhik / red. Yu.M. Sokolov. 1932. M., - L., Aca-demia, 189.
12. Сборник пословиц, примет и проч. (Русско-народная философия) / сост. отшельник Ме-ри-Хови. 1882. СПб., Губернская типография, 252.
Sbornik poslovits, primet i proch. (Russko-narodnaya filosofiya) / sost. otshel'nik Meri-Khovi. 1882. SPb., Gubernskaya tipografiya, 252.
13. Соколов Ю.М. 2007. Русский фольклор. М., Изд-во Московского университета, 544.
Sokolov Yu.M. 2007. Russkiy fol'klor. M., Izd-vo Moskovskogo universiteta, 544.
14. Холондович Е.Н. Ф.М. 2015. Достоевский о национальном русском характере. Историо-генез и современное состояние русского менталитета / отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М., Институт психологии РАН, 321–330.
Kholondovich E.N. F.M. 2015. Dostoevskiy o natsional'nom russkom kharaktere. Is-toriogene-z i sovremennoe sostoyanie russkogo mentaliteta / отв. red. V.A. Kol'tsova, E.V. Kharitonova. M., Institut psikhologii RAN, 321–330.
15. Чичеров В.И. 1959. Русское народное творчество. М., Изд-во Московского университета, 523.
Chicherov V.I. 1959. Russkoe narodnoe tvorchestvo. M., Izd-vo Moskovskogo univer-siteta, 523.
16. Юдин Ю.И. 2006. Дурак, шут, вор и черт. (Исторические корни бытовой сказки). М., Ла-биринт, 338.
Yudin Yu.I. 2006. Durak, shut, vor i chert. (Istoricheskie korni bytovoy skazki). M., Labirint, 338.
17. Юдин Ю.И. 1978. Роль и место мифологических представлений в русских бытовых сказ-ках о хозяине и работнике. Миф-Фольклор-Литература. Л., Наука, 16–37.
Yudin Yu.I. 1978. Rol' i mesto mifologicheskikh predstavleniy v russkikh bytovykh skazkakh o khozyaine i rabotnike. Mif-Fol'klor-Literatura. L., Nauka, 16–37.